

Китайские мигранты в России. Современные российские исследования

© 2013

А. Ларин

Российские ученые представили целостную картину истории китайцев в России с середины XIX в. до наших дней. Исследование современной китайской миграции ведется по таким важнейшим направлениям, как экономическая деятельность китайцев, проблемы «китайской демографической экспансии», адаптации и толерантности, образовательная миграция. Прогнозируется увеличение объемов низкоквалифицированного китайского труда в России на временной основе. *Ключевые слова: китайцы, миграция, Россия, экономическая деятельность, адаптация, учеба, перспективы.*

Одним из последствий нормализации российско-китайских отношений на рубеже 1980—1990-х гг. стал массовый приток в РФ мигрантов из КНР. Это неожиданное для россиян явление, отвечавшее потребностям нового общества и вместе с тем породившее ряд острых проблем, сделалось приметой наступивших перемен и сразу обратило на себя внимание российских ученых.

Примерно в тот же период, в начале 1990-х гг., открылись, пусть и далеко не полностью, российские архивы, были сняты цензурные ограничения, и исследователи получили возможность вернуться к теме, запретной с 1930-х гг. и теперь вновь обретшей актуальность — к истории китайской общины в нашей стране.

В настоящее время обе половины большой темы пребывания китайцев в России стали интенсивно изучаться в Москве, Благовещенске, Иркутске, Красноярске, Владивостоке, Хабаровске, Чите, Улан-Удэ и других городах по обе стороны Урала. Ее проблематика прочно вошла в повестку дня международных научных конференций в Благовещенске, где с 2000 г. проводилась серия конференций под общей шапкой "Россия и Китай на дальневосточных рубежах" на базе Амурского государственного университета¹ и с 2011 г. проводится еще одна серия под названием "Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества" под эгидой Благовещенского государственного педагогического университета²; в Москве в ИДВ РАН в рамках регулярного форума "Китай, китайская цивилизация и мир"; в МГИМО(У) МИД РФ в Центре исследований Восточной Азии и ШОС³; в Московском центре Карнеги⁴; а также в других научных центрах. По результатам конференций и вне их рамок были изданы многочисленные сборники докладов и статей, перечислить которые в данной статье нет возможности. Тема китайских мигрантов заняла видное место в межрегиональных программах, в том числе в нескольких крупных проектах Межрегионального института общественных наук при Иркутском университете, объединивших усилия многих ученых страны с целью подготовки монографий по миграционно-диаспоральным проблемам⁵.

Ларин Александр Георгиевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: larin@ifes-ras.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

Помимо большого количества работ, посвященных тем или иным частным (хотя и не обязательно узким) аспектам темы, появились монографии, авторы которых стремились проследить весь процесс становления и развития китайской диаспоры в стране или в каком-либо из ее регионов от начала и вплоть до наших дней. Таковы, например, монографии коллектива авторов "Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке"⁶, В.Г. Дацышена "Китайцы в Сибири в XIX—XX вв.: проблемы миграции и адаптации"⁷, А.Г. Ларина "Китайские мигранты в России. История и современность"⁸.

В результате творческих усилий большого отряда ученых на сегодня мы имеем обширный запас наработок, касающихся исторических, социологических, демографических, этнографических, экономических, политических аспектов рассматриваемой темы. Описан огромный массив фактов, определены направления работ, отработана методология, сформулированы подходы и оценки (как дополняющие друг друга, так и взаимоисключающие) к тем или иным проблемам.

Создана целостная, хотя и не без пробелов, картина истории китайцев в России⁹, фундаментом для которой послужили массивы документов в центральных и областных архивах, материалы из китайских архивов, а также многочисленные публикации дореволюционных авторов. В конце 1950-х годов появился ряд работ, посвященных участию китайцев в Октябрьской революции и гражданской войне, тема китайских мигрантов поднималась в трудах по более общей дальневосточной проблематике, подготовленных советскими историками в последний период существования СССР¹⁰. Однако исследования советских ученых должны были укладываться в определенные идеологические рамки. В новых условиях появилась возможность открыть для российского читателя целый ряд принципиально важных исторических моментов, ранее не известных или забытых, от весомой роли китайского труда в хозяйственном освоении Россией Дальнего Востока и до массовых репрессий в отношении китайцев и корейцев в 1937—1938 гг.

Пожалуй, сегодня самое значимое для нас в истории китайцев в нашей стране — это наличие поразительных параллелей между явлениями рубежей XIX—XX и XX—XXI вв.: приток мигрантов на малоквалифицированные работы, полезность труда китайских мигрантов и одновременно наличие в их деятельности негативной составляющей, высокое качество китайской рабочей силы и ее незаурядная конкурентоспособность и т.д. Самое же примечательное — это возрождение дореволюционных тревог относительно "китайской угрозы".

Постоянно пополняемые результаты исторических изысканий стали фоном, на котором в научных кругах развернулось углубленное всестороннее изучение современной проблематики, касающейся гостей из Поднебесной. Заметные успехи были достигнуты к концу 1990-х годов. В 1997—1997 гг. известными специалистами по вопросам миграции Г.С. Витковской и Ж.А. Зайончковской¹¹ в ходе масштабной научной экспедиции в приграничных краях и областях Сибири и Дальнего Востока было осуществлено первое комплексное исследование темы. Ученые опросили свыше двух тысяч российских граждан (экспертов, просто местных жителей, студентов) и несколько сотен китайских мигрантов, а подготовленная ими система анкет легла в основу последующих социологических обследований.

Тогда же, на рубеже 1990—2000-х гг., появились значительные работы, которые во многом задали тон дальнейшим исследованиям и, по всей видимости, могли бы занимать первые места по индексу цитирования. Мы имеем в виду монографии В.Г. Гельбраса "Китайская реальность России"¹² и "Россия в условиях глобальной китайской миграции"¹³, целый ряд статей и разделов в монографиях В.Л. Ларина "Китай и Дальний Восток России"¹⁴, "Российско-китайские отношения в региональных измерениях"¹⁵ и "В тени проснувшегося дракона"¹⁶, монографию В.И. Дятлова "Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта?"¹⁷.

В настоящее время в изучении проблематики, связанной с китайской миграцией в РФ, сложился ряд направлений¹⁸, важнейшие из которых мы рассмотрим ниже.

Экономическая деятельность китайских мигрантов. Это в императорской России собирали и публиковали статистику: сколько имеется в городах Дальнего Востока принадлежащих китайцам предприятий, каковы их профиль, численность персонала, оборот и т.д. Ныне об этом можно только мечтать. Нехватка статистики, усугубляющая изначально латентный характер многих экономических процессов, плюс сложная расстановка интересов в российском обществе стимулируют формирование разнообразных, в том числе полярно противоположных взглядов даже там, где, казалось бы, споров можно избежать. Это касается, в частности, итоговой оценки деятельности китайских мигрантов, которая, по общему признанию, имеет как позитивные, так и негативные стороны. Так, В.Л. Ларин высоко оценивает ту пользу, которую они принесли российским гражданам, обеспечив им:

"1. Наполнение рынка (особенно дальневосточного и отчасти сибирского) товарами ширпотреба и продуктами питания. Это китайцев и российских "челноков" надо благодарить за то, что они одели и накормили немалую часть населения Зауралья в начале голодных 1990-х.

2. Конкуренцию на рынке труда, заполнение вакантных рабочих мест (в строительстве, сельском хозяйстве, сфере обслуживания).

3. Ценовую конкуренцию и удешевление местных товаров.

4. Наполнение федерального и местных бюджетов. Налоговые сборы с торговцев на рынках и предпринимателей являлись важным источником поступлений в бюджет ряда городов и поселков российского приграничья.

5. Стимулирование турбизнеса и завязанной на нем сферы обслуживания. По некоторым оценкам, каждый "турист", делая покупки, играя в казино, посещая другие "злачные места", оставлял в России от 200 до 400 долл.

6. Повышение уровня личного благосостояния отдельных чиновников, таможенников, милиционеров, работающих с китайцами"¹⁹.

Противоположную точку зрения предпочел В.Г. Гельбрас, доказывавший в одной из своих монографий, что деятельность китайских землячеств "наносит ущерб экономической безопасности и сдерживает становление цивилизованной рыночной экономики России. Во-первых, она закрепляет положение России в качестве сырьевого придатка Китая. Во-вторых, превращает Россию в рынок сбыта китайских товаров. В-третьих, способствует расширению китайской миграции в Россию и через Россию в другие страны"²⁰.

Другие исследователи включают в список претензий к китайским мигрантам различные виды деятельности в сфере теневой экономики: уклонение от уплаты налогов, выкачивание природных ресурсов российского Дальнего Востока, нелегальный вывоз валюты, использование запрещенных ядохимикатов в сельском хозяйстве и т.д. вплоть до создания даже в столице нелегальных турфирм вопреки запрещению для иностранцев заниматься в России туристическим бизнесом. Тем не менее, подавляющее большинство исследователей оценивает хозяйственную деятельность китайских мигрантов не столь сурово, а многие из них отчетливо осознают: корни негативной деятельности китайцев уходят вглубь российской почвы — в дефекты сложившихся в России порядков, начиная с отсутствия должного контроля со стороны властей. Впрочем, и сам В.Г. Гельбрас, похоже, не склонен абсолютизировать свои отрицательные выводы. В той же монографии в разделе с характерным названием "Китайская миграция может стать благом для России" он пишет: "Трудно сказать, сможет ли Россия успешно развиваться без привлечения китайских мигрантов"²¹.

В анализе экономической активности приезжих из КНР видное место отводится вопросу о конкуренции: отнимают ли гости рабочие места у российских граждан или же

они занимают свободные ниши, не интересующие россиян? Вопрос этот обычно рассматривается относительно мигрантов в целом и касается прежде всего безвизовых мигрантов из стран ближнего зарубежья, однако поднимается он и применительно к китайским мигрантам. В научной литературе можно встретить оба мнения, и оба — без убедительных доказательств, поскольку предмет исследования здесь заведомо далек от публичности и тому же не всегда возможно однозначно определить, является ли конкуренция "здоровой" или "нездоровой", полезной или вредной. Наем нелегальной китайской рабочей силы выгоден предпринимателю, а, возможно, и покупателю производимого им товара, но не выгоден тому россиянину, который мог бы работать у этого предпринимателя. Есть и обобщающая точка зрения, согласно которой мигранты в основном занимают вакантное пространство, однако по краям его имеет место конкуренция, которая и определяет границы этого пространства.

Российские овощеводы на Дальнем Востоке, безусловно, проигрывают китайским, однако и тут ситуация неоднозначна, и мы сталкиваемся с разбросом мнений: с одной стороны — претензии к китайцам по поводу "демпинга на рынке сельхозпродукции"²², с другой — заявления, что "для российского Дальнего Востока и Восточной Сибири импорт рабочей силы из Китая решает проблему нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве (выращивание овощей) и строительстве"²³. В любом случае очевидно, что конкуренция в этой сфере стала острой проблемой, и прямой долг государства здесь — найти сбалансированное компромиссное решение, оптимальным образом отвечающее интересам как потребителей, так и отечественных производителей.

Нелишне отметить, что мощный напор и пластичность потока китайских коммерсантов подчас подталкивает наблюдателей к заведомо недоказуемым умозаключениям конспирологической окраски, в данном случае — на тему о завоевании посланцами Поднебесной внешних рынков. Например, автор многих глубоких наблюдений над жизнью китайской общины В.Г. Гельбрас явно в духе "теорий заговора" выдвинул тезис о том, что "абсолютное большинство китайских мигрантов являются частью организованной структуры, функциональным элементом товарного потока в Россию"²⁴. Известно, что китайское правительство прилагает серьезные усилия для экспорта не только товаров, но и рабочей силы и что, в частности, в Северо-Восточном Китае поставщики товаров в Россию пользуются таможенными, налоговыми и другими льготами. Надо полагать, что у Пекина есть стратегия освоения российского и других сегментов мирового рынка. При желании можно все это рассматривать как "заговор", а можно и не рассматривать хотя бы потому, что представления о китайских коммерсантах как о послушных винтиках некоего единого механизма плохо стыкуются с фактами острой конкурентной борьбы между "лаобанями" внутри самой китайской общины, протестных выступлений китайских рабочих против своих хозяев и т.п. В любом случае наша задача заключается в одном и том же: следить за конъюнктурой рынка и принимать необходимые меры для защиты отечественных предпринимателей.

"Китайская демографическая экспансия". В 1990-х гг. плохо поддающийся контролю стихийный поток приезжих из Поднебесной спровоцировал в обществе волну тревоги относительно "китайской экспансии". В прессе появились фантастические данные о миллионах китайцев, заселивших восточную окраину России, о многочисленных фиктивных браках мигрантов с российскими женщинами. Возникли представления о наличии у китайских руководителей плана "миграционной экспансии в Россию"²⁵. Однако уже в тот период российские ученые показали, что число китайских мигрантов на Дальнем Востоке составляет не более 200—300 тыс. человек, а в России в целом — порядка 400 тыс., что число смешанных браков ничтожно мало, и столь же мало количество китайцев, получивших у нас право на постоянное проживание. На сегодня "китайская угроза" отнюдь не является главной в глазах россиян (в проведенном нами опросе она стоит на последнем месте с 8% голосов, после США с 15%²⁶). Тем не менее, российское

общественное мнение и сегодня обеспокоено рядом обстоятельств, которые, как оно полагает, в определенных условиях способны стать предпосылками для неблагоприятных экономических и этнодемографических перемен в регионе.

Суммарный перечень таких предпосылок, выявленных российскими учеными, неоднороден и достаточно велик. В него входят

со стороны Китая:

– гигантский демографический потенциал КНР, образующий резкий контраст с ситуацией на российском Дальнем Востоке, который, вопреки всем дорогостоящим программам его возрождения, продолжает переживать затяжной экономический кризис и катастрофическое обезлюживание. Несмотря на снижение темпов ежегодного естественного прироста населения Китая и на его старение, на ближайшие десятилетия эмиграционный потенциал КНР останется одним из крупнейших мире и будет, в частности, намного превосходить потребности России в использовании иностранной рабочей силы²⁷;

– возрастающий разрыв между национальной комплексной мощью Китая и России.

– притягательная сила огромных природных богатств Сибири и Дальнего Востока России для Китая с его бурно растущим экономическим потенциалом;

– естественный большой интерес Китая к российским рынкам труда, товаров массового спроса и продовольствия. Не случайно Пекин уже более десяти лет ставит вопрос об открытии "свободного обмена товарами и услугами";

– принятая в Китае трактовка истории российско-китайских отношений и территориального размежевания;

со стороны России:

– умышленное нагнетание антикитайских настроений определенными влиятельными силами в российском обществе, к которым относятся прозападные политические круги; привязанные к Западу коррупционеры; спекулирующие на страхе перед китайцами местные политики; заинтересованные в увеличении финансирования силовые структуры; наконец, гоняющиеся за острыми сюжетами СМИ, через которые названные силы транслируют свою пропаганду;

– царящая в России атмосфера мигрантофобии;

– неверие населения в желание и способность властей отстаивать интересы народа, будь то внутри страны или на международной арене, и вытекающее отсюда, а также из отставания страны в мировой конкурентной борьбе ощущение незащитности в случае масштабных экспансий извне;

– слабое знакомство с цивилизационными достижениями великого соседнего народа, способствующее развитию синофобии.

Не каждый из этих факторов принимается безоговорочно в экспертном сообществе. Высказываниям относительно "антикитайской истерии в прессе" противостоят исследования, показывающие, что "в российских СМИ существует огромный разброс мнений в части формирования негативного образа мигрантов, существует как негативное, так и позитивное отношение"²⁸. Социологическое исследование, проведенное автором данной статьи, показало, что среди тех, кто доверяет материалам СМИ, процент респондентов, убежденных в наличии у Китая "тайных планов экспансии" в Россию, весьма высок (выше 60%), а среди тех, кто не доверяет СМИ, даже чуть более высок²⁹. Таким образом, версия о тлетворном влиянии СМИ на общественное мнение в рамках нашей темы оказывается под вопросом. Действительно, не стоит забывать, что тон прессы не только формирует, но и отражает стереотипы массового сознания читателей.

Вызывает сомнение и еще один фактор. Образованный человек в принципе должен быть лучше осведомлен о замечательной китайской культуре, однако социологические опросы не фиксируют корреляции между уровнем образования россиян и их мнением, хорошим или плохим, о Китае и китайцах.

В чем безусловно едины российские ученые — так это в осознании того факта, что страхи перед Китаем находятся в теснейшей связи со слабостью позиций России, с отсутствием у руководства страны целостной адекватной стратегии экономического развития, просчетами российской внутренней политики, недооценкой значения Дальнего Востока для самого существования российского государства. "В обозримой перспективе, — отмечает академик М.Л. Титаренко, — проблема демографической экспансии со стороны населения Китая в отношении России может возникнуть лишь в случае ослабления центральной власти и реальной угрозы дезинтеграции РФ"³⁰.

Действительно, глубокая заинтересованность и России, и Китая в экономическом взаимодействии, их общая потребность в длительном мире для осуществления масштабных программ развития, во взаимной поддержке "спиной к спине" перед лицом сложных, противоречивых отношений с Западом — все эти фундаментальные обстоятельства обеспечивают прочность российско-китайского стратегического партнерства. В этих условиях трудно представить себе, чтобы Пекин решился на дестабилизацию своих отношений с РФ ради попыток демографической, не говоря уже о территориальной, экспансии на север. Тем более, что "мигрантоемкость" российского Дальнего Востока не настолько велика, чтобы играть существенную роль в решении коренной демографической проблемы Китая.

Выбор оптимальной миграционной политики. Сложность проблем, связанных с пребыванием в России мигрантов из Поднебесной, не заставила экспертное сообщество согласиться с вариантом полного отказа от китайского труда ("Ни низкоквалифицированная, ни высококвалифицированная трудовая сила из Китая нам не нужна"³¹), равно как и с предложением о его жестком количественном ограничении (не более 1% от общей численности занятых³²) на российском Дальнем Востоке.

Отвергая изоляционизм и подходя к феномену массовой миграции в Россию с другой стороны, группа ведущих специалистов-демографов выступила с проектом восполнения убывающего населения России за счет массового вселения мигрантов (20—25 млн за предстоящие два десятилетия), а в 2012 г. была принята новая Концепция государственной миграционной политики РФ, в которой иммиграция рассматривается как инструмент решения не только экономических, но и демографических проблем. Применительно к дальневосточному региону России, оказавшемуся в самой глубокой "демографической яме", ряд ученых, в том числе академик В.С. Мясников³³, в 1990-х гг. выдвинули идею о возрождении — разумеется, уже в новом качестве — переселенческой политики П.А. Столыпина. Однако специалисты по миграции с цифрами в руках доказали, что расчеты на пополнение этого региона приезжими из других частей России и стран СНГ "абсолютно призрачны"³⁴, и это (наряду с другими фактами) побудило некоторых из их возложить особые надежды на китайцев, предположив, что численность китайской общины в РФ могла бы к середине века достичь 7—10 млн³⁵.

Среди китаеведов эти планы не вызвали энтузиазма: на примере китайских мигрантов особенно явно чувствовалось, что вселение мигрантских масс, тем более их форсированное вселение, грозит подрывом социальной стабильности и как минимум требует огромной сопроводительной работы по обустройству новых граждан, их адаптации, воспитания толерантности у местного населения и т.д., к чему общество явно не готово. Уязвимость переселенческих планов показал, в частности, В.Я. Портяков, предложивший в качестве одного из путей преодоления демографического кризиса на Дальнем Востоке допущение "относительно широкой интернационализации" населения региона с использованием опыта Канады и Австралии³⁶.

Наиболее реалистичный и наиболее развернутый вариант миграционной политики, в том числе для Дальнего Востока, разработал проф. Л.Л. Рыбаковский со своими единомышленниками, исходящими из того, что в этом регионе Россия всегда проводила особую стратегию, поскольку политические факторы здесь всегда довели над экономи-

ческими. Политика, по Л.Л. Рыбаковскому, включает в себя, в частности, "организованное привлечение трудовых ресурсов из стран ближнего и дальнего зарубежья на базе жесткого контроля за качественными и количественными характеристиками этого потенциала, не противоречащими конъюнктуре на рынке труда"³⁷.

Концепция Л.Л. Рыбаковского, построенная на понятиях этнодемографического баланса и демографической безопасности, имеет много общего со взглядами других демографов, изучающих миграцию на Дальнем Востоке (Е.Л. Мотрич, В.И. Дятлов и др.) и вполне согласуется с позицией явного большинства российских китаеведов, пытающихся со своей стороны обрисовать контуры оптимальной государственной политики в отношении китайских мигрантов. Предложения российских синологов предусматривают создание благоприятных условий для хозяйственной деятельности трудящихся из КНР, воспитание уважительного отношения к ним, защиту их прав, содействие их адаптации, налаживание делового сотрудничества с китайской диаспорой. Бюрократические процедуры должны быть упрощены и сделаны более прозрачными. Вместе с тем, предлагается совершенствование системы квот и ротаций для регулирования численности и кадрового состава китайской общины, с тем чтобы не допустить перекосов на собственном рынке труда, а при необходимости и управление расселением мигрантов, для того чтобы избежать оседания иностранцев вблизи погранзон и возникновения фактически автономных анклавов. Объявляются необходимыми усиление борьбы с теневыми сторонами хозяйственной деятельности китайцев, сведение к минимуму нелегальной миграции. Естественно, все это требует совершенствования законодательной базы, укрепления административных и правоохранительных структур и т.п.

Понимание важности законных мер, направленных на оздоровление экономики и укрепление правопорядка в государстве, не мешает российским ученым добиваться расширения экономического сотрудничества с китайской стороной, включая и более интенсивные миграционные обмены через границу — трудовые, коммерческие, образовательные, культурные и т.д.

Проблемы адаптации и толерантности. Не секрет, что жизнь мигрантов в России сопряжена со множеством тягот, лишений, опасностей, проистекающих из особенностей российского общества, которое переживает период затянувшихся и незавершенных реформ и все еще далеко от упорядоченного состояния. Граждане России относятся к мигрантам далеко не самым благожелательным образом, а мигрантов из КНР встречают с особой настороженностью. Каким образом и в какой мере удастся китайским мигрантам удержаться в не слишком благоприятной среде? Каков действительный уровень и характер российского алармизма/толерантности в отношении гостей из Поднебесной? Каковы перспективы гармонизации их отношений?

Эти вопросы российские ученые сумели прояснить с помощью целого ряда проведенных ими социологических исследований³⁸. Как показывают эти исследования (ради краткости мы изложим обобщенные качественные итоги опросов, проводившихся среди китайских коммерсантов, почти не приводя количественных показателей), жизнь китайских мигрантов серьезно осложняют не только проблемы хозяйственного порядка: высокая арендная плата, дороговизна жизни в России, чрезмерные налоги, высокие экономические риски, но и поборы милиции (в опросе, который мы провели в 2007 г., на них пожаловались 82% (!) респондентов), вымогательство, взяточничество в налоговых, таможенных и других органах власти. На физические и словесные покушения на безопасность и достоинство личности мигранты жалуются едва ли не поголовно.

В такой ситуации единственно возможной адаптивной стратегией, способной обеспечить мигрантам выживание и коммерческий успех, является значительная обособленность от окружающей среды, внутренняя самоорганизация и сплочение. Все это и продемонстрировали китайские коммерсанты, создавшие внутри своей общины самую развитую из всех, какие только есть в России, структуру, позволяющую общине и выполнять

свои производственные функции, и предоставлять своим членам необходимые бытовые, информационные и культурные услуги³⁹. Это достигается необходимым разделением труда, которое реализуется через формальные и неформальные связи: жестко иерархические, клиентские, партнерские. Вместе с тем китайская община поддерживает и постоянно обновляет необходимые деловые контакты — официальные, неформальные, нелегальные — с российскими партнерами, зачастую создавая общие с ними бизнес-сети⁴⁰.

Значительная часть членов китайского сообщества владеет хотя бы начатками русского языка, но число тех, кто знаком в необходимом объеме с законами, касающимися иностранцев в России, на удивление мало. По-видимому, дело здесь в том, что минимальная информация и о законах, и о способах их обойти постоянно циркулирует и обновляется в собственной среде мигрантов; кроме того, никакое знание законов не спасает их от различных злоупотреблений со стороны чиновников и милиции. Короче говоря, какие-то усилия с целью адаптироваться отнюдь не являются уделом немногих, однако, они прекращаются, как только достигнут практически достаточный минимум.

Известно, что современная российская экономика пронизана разнообразными теневыми отношениями. Прибывший в Россию коммерсант неизбежно встраивается в эти отношения, выступая в качестве их жертвы (вынужденной, например, выплачивать поборы и взятки) и становясь, таким образом, в один ряд с российским коммерсантом. Или же он выступает в качестве субъекта криминальных отношений, использующего те привлекательные — фактически, провоцирующие возможности, которые открывают перед ним коррупция властей и отсутствие полноценного контроля с их стороны. В случае «производственной необходимости» возникает феномен «взаимодополняемой» преступности двух сторон, примером чему может служить скупка товара у криминальных структур за «черный» нал, скупка с использованием «откатов» леса, металлолома, биоресурсов с последующей переправкой их через границу. И «пассивное», и «инициативное» участие китайских коммерсантов в российской теневой экономике представляет собой еще один вид их адаптации к российской среде — его можно назвать «криминальной адаптацией».

Приспособление китайских мигрантов к новым условиям их существования предполагает и их примирение с минусами маргинального статуса ради возможности пользоваться открывшимися преимуществами — возможностями относительно высоких заработков (в среднем они сопоставимы с заработками россиян⁴¹). Слабость правоприменительной практики в России вынуждает мигрантов развивать способность терпеть дискриминацию, несправедливое отношение к себе, нарушение их человеческих прав.

Интересные данные получила исследовательская группа Амурского государственного университета, в течение 2000—2006 гг. проводившая социологический опрос населения приграничных районов России и КНР: из числа китайских граждан, проживающих на территории России, в пограничном Хэйхэ и в Харбине, желание жить в России постоянно выразили соответственно 39%, 24% и 17% опрошенных⁴². Иными словами, чем больше у мигранта опыт общения с россиянами, тем привлекательнее для него жизнь в нашей стране.

Если обобщить результаты всех проведенных социологических исследований, их итог будет таким: масса китайских мигрантов если не в большинстве своем, то в значительной мере адаптирована к российским условиям, рассматривает Россию как вполне подходящее поле для хозяйственной деятельности и готова на годы связать с нею свой труд или проживая на ее территории (таких — до половины, при этом часть из них хотела бы получить российское гражданство), или же регулярно посещая ее. Не менее благоприятно китайцы смотрят на то, чтобы дети пошли по их стопам. Мало у кого из них вызывает неприятие мысль о смешанных браках (хотя, возможно, кого-то из одобряющих здесь привлекает вариант фиктивного брака). Та далеко не престижная экономиче-

ская ниша, которую они занимают на российском рынке, и те скромные бытовые условия, в которые они попадают, их, в общем, в достаточной мере устраивают.

Что же касается отношения россиян к китайским мигрантам, то оно в основных чертах четко вписывается в общую картину отношения к трудовой миграции из-за рубежа: это — отношение общества с низким уровнем толерантности к иностранцам, боящегося конкуренции с ними и в силу ряда фундаментальных обстоятельств зараженного мигрантофобией до такой степени, что недоброжелательное отношение нередко встречают даже русские репатрианты из постсоветских республик. В отношении китайских мигрантов этот общий негативный настрой накладывается на обеспокоенность за будущее российского Дальнего Востока, вследствие чего большинство россиян выступает против переселения к нам жителей Китая. Гораздо более приемлемым представляется им вариант временного пребывания жителей соседней страны в качестве трудовых мигрантов или учащихся. Осознание полезности труда мигрантов — это отправная точка для гармонизации их отношений с российским обществом, пока еще не раскрытая до конца. Важную позитивную роль играет здесь и другой фактор: понимание нашей общественностью того обстоятельства, что остановить незаконную деятельность мигрантов, причиняющую ущерб экономике России — это задача, прежде всего, самой российской стороны.

Складывающаяся по результатам опросов картина отношения россиян к китайским мигрантам мало чем различается в центральной и восточной частях страны. Примечательно, однако, что на Дальнем Востоке больше чем в Москве возражений против оседания китайских мигрантов, но больше и тех, кто одобряет их пребывание в качестве временных работников.

Заметим, что в российском массовом сознании не слишком приветливое отношение к китайским мигрантам и озабоченность "китайской угрозой" легко уживается с уважительным, оптимистичным настроем в том, что касается российско-китайских отношений. Большинство респондентов положительно оценивает двусторонние отношения (в одном из наших опросов — 70%) и предвидит их укрепление (65%) скорее чем сохранение в нынешнем состоянии (15%).

Учебная миграция⁴³. По числу студентов, обучающихся за границей, КНР является мировым лидером, однако из сотен тысяч молодых китайцев — учащихся иностранных вузов на долю России достается всего порядка 20 тыс. Для сравнения: на долю США — около 200 тыс. Почему китайская молодежь обходит Россию стороной? Здесь просматривается целая сеть взаимосвязанных причин, главная из которых состоит в следующем: получив диплом в США, Великобритании или Австралии, китаец имеет хорошие шансы обрести там работу, а вместе с ней и высокое качество жизни. Или же найти себе достойное место на родине, где благодаря широкому экономическому и научно-техническому сотрудничеству с Западом такие кадры пользуются большим спросом.

В России, чья собственная молодежь тоже стремится на Запад, жизненные стандарты, доступные среднему квалифицированному специалисту, ныне сплошь и рядом уступают китайским. Плюс к этому иностранцев отталкивают проявления великорусского шовинизма и расизма, а также трудности изучения русского языка. В самом же Китае спрос на выпускников российских вузов невелик, соразмерно относительно скромным масштабам и характеру торгового и инвестиционного российско-китайского сотрудничества и в соответствии с качеством полученного ими образования.

В свою очередь, качество их знаний определяется двумя факторами: во-первых, после радикальных перемен в российском обществе в 90-х годах и маловразумительной реформы образования уровень последнего существенно понизился, равно как и его престиж. Во-вторых, китайские студенты слабо усваивают вузовскую программу, на что, опять-таки, есть свои причины. Это недостаточное владение русским языком, проистекающее из того, что для поступления в российские вузы от иностранцев не требуется знание русского, а на подготовительных факультетах обучение русскому языку зачастую

поставлено плохо. (В опросах свое знание русского признали хорошим или адекватным лишь несколько процентов респондентов, а на языковые трудности жалуются даже студенты старших курсов).

С другой стороны, в Россию едут учиться не самые способные и не самые подготовленные молодые люди, зачастую те, кто не сумел поступить в вуз на родине. Некоторые из них вынуждены подрабатывать, поскольку в России стипендии невелики, а система грантов, в отличие от ряда развитых стран, скудна. Будучи не в сила полноценно усвоить учебный материал, студенты переориентируются на обходные пути получения диплома, который и превращается для них в цель учебы, поскольку признается в КНР и может служить козырем в поисках лучшего места работы, хотя бы и не по специальности.

При всем этом китайские студенты, судя по социологическим опросам, неплохо адаптируются к российскому окружению. То, что мы говорили выше об адаптации китайских коммерсантов, справедливо и в отношении студентов. Однако психологические исследования, проведенные в 2008 и 2009 гг. Т.Г. Стефаненко (МГУ), показали, что "уровень адаптивности китайских студентов очень невысок", налицо "низкий уровень удовлетворенности пребыванием в России"⁴⁴. Аналогичные результаты дает изучение психологии китайских студентов и в других странах. Причины этого ученый видит в таких свойствах китайской культуры, как коллективизм и иерархичность, и в большой дистанции между китайской и российской/западной культурой поведения. Но этого мало: за время нахождения в другой культуре уровень адаптации китайских студентов повышается, однако в России этого не происходит.

Почему же в таком случае китайские студенты в большинстве своем выражают позитивное мнение о нашей стране, почему многие из них (в нашем опросе — больше половины) хотели бы после окончания учебы остаться в России работать, почему треть студентов желает, чтобы их дети поселились (учились, работали) здесь и лишь незначительная часть студентов отрицательно относится к созданию смешанных семей?

Объяснить это невозможно без дальнейших исследований. Предварительная гипотеза: давая такие ответы, они поступают в духе канонов конфуцианской культуры — вежливости и уважения к людям с более высоким статусом, особенно если вопросы предлагают представители авторитетных опросных агентств, однако психологи обладают специальными методиками, позволяющими точнее выявить особенности психологического состояния испытуемых.

Интересно: что нам откроется, если подобные психологические исследования провести среди китайских коммерсантов, в основном, судя по опросам, вроде бы приспособившихся к условиям жизни в России? Пока можем лишь констатировать, что попытки деятелей российского образования увеличить приток китайских студентов или продвинуть деятельность российских вузов в Китай, даже стимулируемые политическими импульсами укрепления российско-китайского стратегического партнерства, не дают большого эффекта. Перелом ситуации в лучшую сторону произойдет, по-видимому, только тогда, когда Россия станет привлекательной для высокообразованных иностранных специалистов, а российское образование станет высоко цениться в КНР.

* * *

Китайский труд является если не необходимым в строгом смысле этого слова, то, по крайней мере, безусловно полезным для функционирования определенных сегментов российской экономики, таких как торговля, строительство, сельское хозяйство, особенно на Дальнем Востоке России. Негативные стороны присутствия китайцев, как и других мигрантов, представляют собой проекцию российской теневой экономики на их деятельность и результат слабого контроля со стороны российской власти. Соответственно, они могут изживаться только по мере избавления от теневых отношений самого российского общества.

В силу экономических, геополитических, социально-психологических причин основной формой использования китайского труда служит и на ближайшее будущее останется привлечение его на временной основе. Его масштабы могут быть увеличены в соответствии с потребностями российской экономики без угрозы "демографической экспансии". Главной сферой хозяйственной деятельности китайских мигрантов остаются мало привлекательные для российского населения отрасли экономики, как правило, требующие работников низкой квалификации. Для высококвалифицированных китайских специалистов Россия в обозримой перспективе едва ли будет представлять интерес.

1. См.: "Россия и Китай на дальневосточных рубежах" с разными подзаголовками, вып. 1—9. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2000—2010. См. также продолжение этой серии: Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами / М-во образования и науки РФ. Амурский гос. ун-т. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. 400 с.
2. См. например последний выпуск: Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы III международ. науч.-практ. конф. Благовещенск — Хэйхэ — Харбин, 15–20 мая 2013 г. / М-во науки и образования РФ. Благовещенский гос. пед. ун-т / Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск: БГПУ, 2013. Вып. 3.
3. См.: Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения (материалы Всерос. науч.-практ. конф. МГИМО(У) МИД РФ, г. Москва, 21–22 дек. 2006 г.) / Науч.-координацион. совет по международ. исслед. МГИМО(У) МИД России. Центр исследований Восточной Азии и ШОС / Ред. А.В. Лукин. М.: МГИМО-Ун-т, 2007.
4. В числе его изданий: Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России: Науч. докл. / Моск. Центр Карнеги. М., 1996. Вып. 7. 118 с.; *Тренин Д.* Китайская проблема России / Моск. Центр Карнеги. М., 1998.
5. К настоящему времени вышло пять монографий. Назовем здесь последнюю из них: Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX—XX и XX—XXI вв. Иркутск, 2011. 624 с. Оттиск. Их методологической особенностью является широкое использование "кейсового" метода, основанного на глубоких интервью, включенном наблюдении и т.д.
6. *Ваицук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А.* Этноэмиграционные процессы в Приморье в XX век / РАН ДВО Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
7. *Дацышен В.Г.* Китайцы в Сибири в XIX—XX вв.: проблемы миграции и адаптации / Федеральное агентство по образованию. Сибирский федеральный ун-т. Красноярск: СФУ, 2008. 327 с.
8. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России: История и современность / Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. книга, 2009. 512 с.
9. Назовем здесь несколько важнейших монографий: *Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.) / М-во общего и проф. образования РФ. Омский гос. ун-т. Омск: ОмГУ, 1999. 264 с.; *Галлямова Л.И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — начале XX веков. Владивосток: Дальнаука, 2000; *Ткачева Г.А.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы XX в. Владивосток, 2000; *Алепо А.В.* Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.). Хабаровск, 2001; *Синиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 192 с.; *Петров А.И.* История китайцев в России, 1856—1917. СПб., 2003; *Нестерова Е.И.* Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2004. 372 с.; *Позняк Т.З.* Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Владивосток: Дальнаука, 2004; *Залеская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917—1938 гг.) / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Благовещен. гос. пед. ун-т. Владивосток: Дальнаука, 2009. 390 с.; *Друзья А.В.* Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858—2008 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010; *Чернолуцкая*

- Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920— 1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 512 с.*
10. Здесь необходимо отметить монографию, целиком посвященную полузапретной в то время проблеме: *Соловьев В.Ф. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России и эпоху капитализма (1861— 1917). М., 1989.*
 11. *Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке: надежды и реалии // Перспективы дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Моск. Центр Карнеги. Под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. М.: Гендальф, 1999.*
 12. *Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. 320 с.*
 13. *Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей, 2004. 204 С.*
 14. *Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН. Дальневосточ. гос. ун-т. Владивосток: Дальнаука, 1998. 284 с.*
 15. *Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в) / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН. М.: Восток-Запад, 2005. 392 с.*
 16. *Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН. Дальневосточ. гос. ун-т. Владивосток: Дальнаука, 2006.*
 17. *Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М.: Наталис, 2000. 190 с.*
 18. Краткий анализ представлений россиян о китайской миграции в Россию дан в монографии: *Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII— XXI веках. М.: Восток-Запад, 2007. 598 с.*
 19. *Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. С. 414.*
 20. *Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. С. 84.*
 21. Там же. С. 146.
 22. *Александрова М.В. Программа соразвития Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в свете целесообразности привлечения китайской рабочей силы России // Привлечение трудовых мигрантов или аутсорсинг? Материалы круглого стола / РАН. Институт экономики. М.: ИЭ ЗАН, 2011. С. 111.*
 23. *Баженова Е., Островский А. Потенциал китайской миграции в Россию: оценки и перспективы // Миграция в России 2000— 2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1. Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. Ч. 2. М.: Спецкнига, 2013. С. 191.*
 24. *Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. С. 42.*
 25. См., например: *Рыбаковский Л., Захарова О., Миндогулов В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М., 1994. С. 35—39.*
 26. *Ларин А.Г. Китайские мигранты в России: История и современность. М.: Вост. книга, 2009. С. 301.*
 27. *Портяков В., Ларин А. Миграционная ситуация в Китае // Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Науч. ред. С.В. Голунов. М.: Аспект пресс, 2008. С. 103— 115. О возможном увеличении китайской диаспоры см. также: *Баженова Е., Островский А. Указ. соч.**
 28. См. высказывания М.Н. Балдано и А.П. Забияко в дискуссии на эту тему: *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Мост через Амур: Сб. материалов междунаrod. науч. конф. // Амурский гос. ун-т. Центр гуманитар. программ "Даурия". Фонд Розы Люксембург. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. С. 420 и далее.*
 29. *Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Вост. книга, 2009. С. 308— 311.*
 30. *Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 207.*
 31. *Александрова М.В. Программа соразвития Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в свете целесообразности привлечения китайской рабочей силы России // Привлечение трудовых мигрантов или аутсорсинг? Материалы круглого стола / РАН. Ин-т экономики. М.: ИЭ ЗАН. 2011. С. 113.*
 32. *Мотрич Е.Л. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России и проблемы китайской миграции // Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения (материалы Всерос. науч.-практ. конф., МГИМО(У) МИД РФ, г. М., 21— 22 дек. 2006 г.) / Науч.-координацион. со-*

- вет по междунаро. исслед. МГИМО(У) МИД России. Центр исслед. Вост. Азии и ШОС / Ред. А.В. Лукин. М.: МГИМО-Ун-т, 2007. С. 136—137.
33. Мясников В.С. Дальний Восток России: миграционная политика // Миграция. 1996. № 1.
34. Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке: надежды и реалии // Перспективы дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Моск. Центр Карнеги / Под ред. Г. Витковской и Д.Тренина. М.: Гендальф, 1999.
35. Зайончковская Ж. Возможно ли организовать переселение на Дальний Восток? // Миграция. 1997. № 3. С. 14.
36. Портяков В.Я. Китайцы идут? Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // Междунаро. жизнь. 1996. № 2. С. 85—88.
37. Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В., Сигарева Е.П., Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И. Концепция миграционной политики в южных районах Дальнего Востока / Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. М., 1999. С. 33. См. также: Рыбаковский Л.Л. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке: история и современность Востока / Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. М., 1999.
38. Подробное описание результатов опросов см. в указанных выше работах Г. Витковской и Ж. Зайончковской, В.Г. Гельбраса, В.Л. Ларина, Е.Л. Мотрич, А.Г. Ларина, также в: Понкратова Л.А., Забияко А.П., Кобызов Р.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Амур. гос. ун-т. Центр гуманитар. программ "Даурия" / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2009; Алагуева Т., Васильева К., Островский А. Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории // ПДВ. 2007. № 4; Ларина Л.Л. Дальний Восток и его окружение газами рядового дальневосточника. URL: http://www/dvforum.ru/2008/doclads/ks2_larina.aspx; Рязанцев С.В., Ян Хунмэй. Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия и подходы к урегулированию. М.: Эконом. обозрение. 2010.
39. Своего рода опорными узлами в этой структуре служат «китайские рынки» (на самом деле совсем не обязательно состоящие из одних китайцев). См. например: Дятлов В., Кузнецов В. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Байкальская Сибирь: Из чего складывается стабильность / Под ред. В.И. Дятлова, С.А. Панарина, М.Я. Рожанского. М., Иркутск, 2005. С. 166–187.
40. Различные формы взаимодействия китайских мигрантов с российской стороной, исследованные с помощью "кейсовой" методики, см., например: Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург, 2009.
41. См., например: Ларин А.Г. Китайские мигранты в России: История и современность. М.: Вост. книга, 2009. С. 173–175; Рязанцев С.В. Социально-экономическая адаптация и миграционные установки китайских мигрантов в России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы III междунаро. науч.-практ. конф. Благовещенск — Хэйхэ — Харбин, 15–20 мая 2013 г. / М-во науки и образования РФ. Благовещенский государственный педагогический ун-т / Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск: БГПУ. 2013. Вып. 3. С. 326–332.
42. Забияко А.П. Диаспоризация: китайский опыт // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Мост через Амур / / Амур. гос. ун-т. Центр гуманитарных программ "Даурия". Фонд Розы Люксембург. Благовещенск, 2006. Вып. 7. С. 252.
43. Эта тема исследуется в: Маслов А.А. Россия — Китай: этапы и проблемы образовательного обмена в XX—XXI вв. // Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего / Нац. исслед. технол. ун-т "МИСиС" / Науч. ред. Н.Е. Боровская. М.: МИСиС, 2009.
44. Стефаненко Т.Г. Адаптация китайских студентов в России: проблемы и пути совершенствования // Там же.